

**Становление пастырей:
православное приходское духовенство и гражданское
общество в последние десятилетия Российской империи***

Рец. на кн.: *Scarborough D. Russia's Social Gospel. The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution. Madison : Univ. of Wisconsin Press, 2022. 264 p.*

Джеймс Уайт

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Becoming Pastors:
The Russian Orthodox Parish Clergy and Civil Society
in the Last Decades of the Russian Empire****

Rev. of: Scarborough, D. (2022). *Russia's Social Gospel. The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution. Madison, Univ. of Wisconsin Press, 264 p.*

James White

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The American scholar Daniel Scarborough has written a monograph dedicated to the history of the Russian Orthodox clergy in the late imperial regime. This work both encapsulates recent developments in the historiography of the imperial Russian Orthodox Church and contributes fresh archival research, principally using documents held in repositories in Moscow and Tver. His main focus is the mutual aid networks in which the clergy participated. Created over the course of the nineteenth century, these mutual aid networks were initially aimed at distributing

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** *Citation*: White, J. (2023). *Becoming Pastors: The Russian Orthodox Parish Clergy and Civil Society in the Last Decades of the Russian Empire*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1491–1500. DOI 10.15826/qr.2023.4.860.

Цитирование: White J. *Becoming Pastors: The Russian Orthodox Parish Clergy and Civil Society in the Last Decades of the Russian Empire* // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1491–1500. DOI 10.15826/qr.2023.4.860 / Уайт Дж. Становление пастырей: православное приходское духовенство и гражданское общество в последние десятилетия Российской империи // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1491–1500. DOI 10.15826/qr.2023.4.860.

resources among poor members of the clerical estate: the development of these networks was facilitated by the freedom of association granted to the clergy by the imperial state. In the late nineteenth and early twentieth centuries, Scarborough argues, these networks began to lose their estate focus, both supporting and including members of the laity: this was partially a response to the fact that the material position of the clergy was heavily dependent on the material condition of the laity and partially due to the fact that the clergy slowly began to lose their estate focus and transform into a profession focused on the spiritual and material wellbeing of the Orthodox flock. Scarborough emphasises several key moments (such as the famine of 1891–1892) and institutions (the seminary, for example) to demonstrate the extent to which clerical support networks included members of the laity and the forces that either facilitated or blocked this development. He concludes that while the clerical mutual aid networks did succeed, to some extent, in incorporating members of the laity, they were hampered by the imperial state's attempts to strictly control the clergy and use them as cheap civil servants, police officials, and propagandists: equally, while sometimes supporting the expansion of clerical aid networks, the episcopate and the Synod was often concerned to ensure that the Church's thinly-spread resources were mostly used to support the members and institutions of the clerical estate. All of this damaged the prestige of the clergy in the eyes of their parishioners and made them less willing to transfer scarce resources to clerical networks. Only with the all-Russia local church council of 1917–1918 did the Russian Orthodox Church fully incorporate the laity, a step which allowed the institution to survive Bolshevik rule.

Keywords: clergy, clerical estate, seminary, parish schools, civil society

Рецензируется монография американского ученого Дэниела Скарборо, посвященная истории русского православного духовенства в позднимперский период. В ней отражены как последние достижения в историографии имперской Русской православной церкви, так и новые архивные исследования, в основном с использованием документов, отложившихся в хранилищах Москвы и Твери. Основное внимание уделяется сетям взаимопомощи, в которых участвовало духовенство. Созданные в течение XIX в., они изначально были направлены на распределение средств между бедными представителями духовного сословия: их развитию способствовала свобода объединений, предоставленная духовенству имперским государством. В конце XIX – начале XX в., по мнению Скарборо, эти сети стали терять свою сословную направленность, поддерживая и включая в себя представителей мирян: отчасти это было связано с тем, что материальное положение духовенства сильно зависело от материального положения мирян, а отчасти – с тем, что духовенство постепенно стало терять свою сословную направленность и превращаться в профессию, ориентированную на духовное и материальное благополучие православной паствы. Скарборо выделяет несколько ключевых моментов (таких как голод 1891–1892 гг.) и институтов (например, семинарии), чтобы продемонстрировать степень включения в сети поддержки духовенства представителей мирян и те силы, которые либо способствовали, либо препятствовали этому развитию. Он приходит к выводу,

что, хотя сети взаимопомощи духовенства в определенной степени и преуспели в привлечении мирян, им мешали попытки имперского государства жестко контролировать духовенство и использовать его в качестве дешевых государственных чиновников, полицейских и пропагандистов: в равной степени, иногда поддерживая расширение сетей взаимопомощи духовенства, епископат и Синод часто были озабочены тем, чтобы тонко распределенные ресурсы Церкви использовались в основном для поддержки членов и учреждений духовного сословия. Все это снижало престиж духовенства в глазах прихожан и заставляло их менее охотно перечислять скудные средства на нужды клерикальных сетей. Только Всероссийский поместный собор 1917–1918 гг. полностью включил мирян в состав Российской православной церкви, что позволило ей выстоять в условиях большевистского режима.

Ключевые слова: православное духовенство, духовное сословие, семинария, приходские школы, гражданское общество

В 1977 и 1983 гг. американский историк Грегори Фриз, опираясь на архивные исследования, представил две книги, посвященные социальной истории русского православного приходского духовенства XVIII–XIX в. [Freeze, 1977; Freeze, 1983]. Они в корне изменили историографическое восприятие русского православного духовенства, которое до этого в значительной степени зависело от стереотипных и тенденциозных представлений о нем в классической русской литературе и радикальной политической полемике. Фриз показал представителей духовенства не столько как «пассивных слуг самодержавия», сколько как динамичную социальную составляющую Российской империи, хотя и постоянно сталкивающуюся с ограничениями, связанными со структурой духовного сословия, требованиями, приоритетами и подозрениями имперского государства. Хотя в этих двух работах начало XX в. осталось без внимания, они в сочетании с открытием архивов в 1991 г. послужили толчком к созданию весьма динамичного историографического направления – изучения православия и религии в целом в Российской империи.

За последние три десятилетия ученые по-новому подошли к таким темам, как история, структура и реформирование православного прихода [Shevzov; Беглов]; своеобразная история православного духовенства в провинции [см., например: Мангилева]; положение православия в многоконфессиональном и полиэтническом пограничье Российской империи [Православие в Прибалтике; Friesen]; миссионерская деятельность православных среди неправославных групп [Палкин; White]; модернизация традиционных православных практик [Kenworthy, 2010; Michelson]; православная социальная работа, особенно в городской среде [Hedda; Грабко]. Однако в этом историографическом поле сохраняются некоторые недостатки, в частности, тенденция изолировать православие и церковь от более широких политических и социальных повествований [Kenworthy, 2018].

Дэниел Скарборо в качестве своего вклада в эту историографию представляет социальную историю русского православного духовенства конца XIX – начала XX в. В этом смысле монография Скарборо выступает как продолжение первоначального проекта Фриза, тем более что Скарборо использует ту же архивную базу (хранилища Москвы и Твери), что и его более старший коллега. Он также в значительной степени опирается на идеи, развиваемые Хеддой (название “Russia’s Social Gospel” является отсылкой к представлению этого ученого о православном социальном активизме поздней имперского периода). Эти влияния очевидны в главном аргументе, который предлагает Скарборо: «пастырская активность приходского духовенства в этот период сместила фокус православной богослужебной практики в России в сторону совместной социальной активности. Это повышение значимости социальной активности для церковной жизни и управления изменило организационную структуру православной церкви, которая стала более партиципаторной и соборной» [Scarborough, p. 3]². Таким образом, Скарборо стремится внести вклад в историографию не только русского православного духовенства, но и гражданского общества поздней имперского периода. Традиционно утверждение, что чрезмерное вмешательство государства и жесткая сегментация российского общества на социальные сословия препятствовали возникновению гражданского общества (по крайней мере, в его «истинном» смысле) в поздней имперской России. Однако Скарборо работает в русле последних работ историков, которые показывают, что гражданское общество в Российской империи возникало даже в условиях сохраняющегося сословного деления и масштабного государственного вмешательства. Он показывает, что к концу существования Российской империи в стране сложилось своего рода «клерикальное гражданское общество». Поскольку духовенство пользовалось доверием правительства, ему, что весьма уникально, были предоставлены не только широкая свобода объединений, но и возможность включать в них представителей других сословий.

Для продвижения своего тезиса он уделяет основное внимание сетям взаимопомощи, которыми располагало духовенство. Как отмечается в первой главе книги, начиная с учреждения попечительств о бедных духовного звания в 1823 г. духовному сословию были предоставлены полуавтономные механизмы, призванные направлять скудные материальные ресурсы как обедневшим членам сословия, так и сословным учреждениям, в первую очередь церковной системе образования. Во второй половине XIX в. такими полуавтономными механизмами стали епархиальные съезды, съезды благочиний, церковная пресса (как центральная, так и епархиальная), которые служили площадками для обсуждения и действий.

Сети взаимопомощи духовенства стали ответом на хроническую нехватку ресурсов: синодальные и епархиальные органы власти за-

² Здесь и далее перевод цитат автора статьи.

висели от скудного государственного бюджета, а духовенство часто не получало жалованья или получало его в недостаточном размере, что ставило его в зависимость от прихожан, как правило, обедневших крестьян. Существование этих сетей взаимопомощи было обусловлено индульгенциями от государства, которое предоставляло духовенству относительно высокую степень свободы объединений (особенно после Великих реформ 1860-х гг.) в обмен на отсутствие финансовой независимости.

Большинство обществ взаимопомощи духовенства касалось исключительно духовного сословия, так как государство стремилось ограничить добровольное объединение в пределах сословия. Однако духовенство пользовалось достаточным доверием, чтобы создавать и внесословные объединения, например, братства, которые набирали людей и оказывали помощь другим сословиям. Хотя К. П. Победоносцев в 1880-х гг. пытался ограничить формы объединения священников, бедствие голода 1891–1892 гг. заставило его частично отступить: сети взаимопомощи духовенства были полезны для предоставления информации, сбора материалов и направления помощи голодающим. Таким образом, даже формы объединения, рассчитанные на помощь только духовному сословию, стали доступны и другим группам населения: в равной степени эти церковные сети не ограничивались провинциями, а выходили за географические рамки.

Во второй главе монографии Скарборо прослеживает развитие этих клерикальных сетей в преддверии и во время кризисных 1904–1907 гг. (Русско-японская война, Первая русская революция и т. д.), когда они использовались для оказания материальной помощи населению. Здесь ключевым моментом является парадоксальное влияние Победоносцева. Стремление Победоносцева ограничить объединение (например, запретив до 1896 г. епархиальные съезды), соединялось с его ожиданием от духовенства социальной активности, особенно в сфере крестьянского образования. В этом смысле он заставлял духовенство стремиться к тем самым запрещенным им широким сословным объединениям, которые позволяли обеспечить как руководство, так и повышенный уровень духовной и материальной заботы о мирянах. Епископат стал ценить учреждения съездов и как важнейших винтиков в механизме епархиального управления, важных в поддержке сословных учреждений, и как полезных каналов благотворительности. Поэтому в кризис 1905 г., когда Победоносцев обратился к епископату с просьбой поддержать его и его программу, он в основном встретил отказ и повсеместные призывы к реформам, в том числе к прекращению вмешательства в сословные привилегии духовенства. В результате он был вынужден уйти в отставку.

В третьей и четвертой главах книги рассматриваются две формы образования, находившиеся в ведении духовенства, – семинарии и приходские школы. Семинарии и другие учебные заведения для духовенства (например, епархиальные женские училища) были основным

центром взаимопомощи внутри этого сословия, поскольку в них обучались почти исключительно дети священнослужителей, получавшие образование, необходимое для того, чтобы стать священниками либо стать достойными женами – помощницами священников. Сами учебные заведения выступали в качестве центров взаимопомощи, оказывая ее неимущим студентам и преподавателям. Попытка открыть семинарии для представителей других сословий была сильно ограничена контрреформами 1880-х гг., которые в значительной степени восстановили сословный характер этих учреждений и свели к минимуму роль клерикальных сетей в их функционировании в пользу епископа и Синода. Это противоречило как растущему стремлению духовенства к свободному использованию своих механизмов социального объединения, так и привлечению мирян, выплаты которых обеспечивали создание и функционирование сословно-церковных институтов.

Это нашло отражение во вспышке массового несогласия в семинариях в 1905–1907 гг.: хотя оно часто было окрашено социальным и политическим радикализмом, протесты также выражали озабоченность духовенства, особенно в отношении открытия дверей семинарий для других сословий. Когда некоторые из этих требований были удовлетворены, утверждает Скарборо, организованное диссидентство сошло на нет, оставив лишь отдельные вспышки насилия.

Массовое расширение системы церковно-приходских школ в конце XIX в. открыло перед духовным сословием (как мужчинами, так и женщинами) новые возможности: педагогическая деятельность давала не только повышенную зарплату, но и еще одну возможность для выражения пастырского долга (как через преподавание, так и через создание школьных библиотек). Строительство, оснащение и комплектование приходских школ требовали значительного финансирования, которое в немалой степени обеспечивалось либо обществами взаимопомощи духовенства, либо новыми благотворительными объединениями, имевшими общегосударственное происхождение, которые возглавлялись или поддерживались духовенством. Несмотря на то, что качество преподавания в этих школах подвергалось критике со стороны политических деятелей Думы и общества в целом (иногда справедливой), не приходится сомневаться в том, что они внесли огромный вклад в становление грамотности в сельской местности.

Пятая глава монографии посвящена проблеме, обозначенной ее автором как «кризис прихода». К середине XIX в. приход был лишен многих элементов саморегулирования, которыми он когда-то обладал, что привело к невозможности для большинства прихожан влиять на управление приходом, хотя именно они оплачивали содержание церкви, духовенства и литургической атрибутики. Начала озвучиваться идея превращения приходов в юридические лица. В связи с этим богословы, политические деятели и некоторые церковные лидеры часто констатировали глубокий кризис приходов, хотя единой картины их реформирования не было.

Государство не проявляло активности: единственной крупной реформой приходского управления в 1860-х гг. стало создание приходских попечительств, которые должны были направлять средства приходов на оплату труда духовенства, однако они создавались медленно и чаще всего использовались для сбора средств на строительство и благоустройство церквей. При этом они были лишены доступа к средствам и зданиям прихода (епископат опасался, что миряне разорят РПЦ, если получат возможность распоряжаться средствами), что создавало почву для напряженности в отношениях между духовенством и мирянами. Соглашаясь с этой традиционной точкой зрения, Скарборо уточняет, что, обладая более значительными бюджетами, приходские попечительства в городах эффективно распространяли благотворительность и работали рука об руку с духовенством. Они также сотрудничали с другими соседними попечительствами, формируя собственные сети взаимопомощи, которые были зеркальным отражением тех, что создавались церковным сословием.

Исследователь также рассматривает массовое создание начиная с 1880-х гг. обществ трезвости – еще одну форму благотворительных объединений под руководством духовенства, имевшую общесословную основу и обеспечивавшую реализацию долга священства по пастырскому попечению. В событиях Первой мировой войны духовенство смогло использовать свои связи для мобилизации ресурсов на нужды войны (забота о раненых солдатах и семьях призывников). Однако по мере того, как война шла, а ресурсов становилось все меньше, население все больше возмущалось попытками духовенства отвлечь ресурсы от более фундаментальной проблемы – выживания. Иными словами, усилия по интеграции других сословий в клерикальные сети (а значит, и по получению согласия других сословий на использование их ресурсов) оказались недостаточными для того, чтобы убедить значительную часть населения в необходимости социального лидерства духовенства, когда кризис стал чрезвычайно серьезным.

В шестой главе Скарборо рассматривает политическую роль духовенства в эпоху Думы. Правительство считало духовенство консервативным и лояльным, что делало его представителей идеальными кандидатами для избрания в Думу. Духовенство также поначалу могло рассматривать политическую деятельность как продолжение социального лидерства. Однако многие из его представителей, избранные в Первую и Вторую думы, вступили в левые и радикально левые партии, что усилило подозрительность как правительства, так и Синода. Будущие депутаты от духовенства подвергались проверкам на предмет достаточной консервативности и лояльности, вводились усиленный надзор и контроль за ними. Синод вместо того, чтобы использовать возможности 1905 г. для расширения самостоятельности Русской православной церкви в целом и духовенства в частности, опирался на государственную поддержку. Как следствие, во время Первой мировой войны дискредитированным оказалось не только государство, но и церковь.

Это подводит Скарборо к идеям, высказанным им в последней главе, посвященной духовенству в революционные 1917 и 1918 гг. Особое внимание он уделяет в ней событиям в Московской и Тверской епархиях, где различные объединения духовенства и мирян стремились сместить непопулярных епископов. Хотя резкий захват власти грозил расколом в Русской православной церкви, этого, по мнению Скарборо, удалось избежать благодаря тому, что руководители революционных церковных съездов стремились действовать в соответствии с каноническим правом, которое служило источником единства. Конечным результатом революционных потрясений и поместных церковных соборов 1917–1918 гг. стало создание Русской православной церкви, полностью включившей мирян в свое управление и превратившей механизмы взаимопомощи духовенства в полноценные элементы церковного управления.

Монография Д. Скарборо представляет собой хорошо проработанный вклад в историографию как Русской православной церкви, так и гражданского общества поздней имперской России. В отличие от многих исследователей, которые часто воспроизводят в своих работах идею замкнутости духовного сословия, исследователь демонстрирует, что социально-политическая история поздней империи не может быть изложена без обращения к православной церкви (и наоборот). Однако хотелось бы высказать два критических замечания. Во-первых, работу нельзя назвать сугубо оригинальной – хотя высказанные в ней аргументы подкреплены новыми архивными исследованиями, но многие выводы уже были сделаны в других работах: в некотором смысле исследование Скарборо является инкапсуляцией новейшей историографии в той же степени, что и вкладом в нее. Наиболее существенным моментом монографии является переориентация взгляда на взаимопомощь духовенства, перемещенную в центр социальной истории приходского духовенства. Во-вторых, хотя авторское внимание сосредоточено не только на Москве и Твери, и он иногда привлекает к исследованию и другие материалы, возникает вопрос: изменились бы его выводы, если бы он рассмотрел более мелкие, периферийные или менее богатые епархии? Взять на вооружение ряд гипотез Скарборо и проверить их на примере разных епархий – вот задача, которая возникает перед исследователями в будущем.

Библиографические ссылки

Беглов А. Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М. : Индрик, 2021. 1047 с.

Грабко М. Е. Деятельность Русской православной церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 213 с.

Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 477 с.

Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 334 с.

Православие в Прибалтике : религия, политика, образование : 1840-е – 1930-е гг. /

отв. ред. И. В. Пярт. Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 2018. 527 с.

Freeze G. L. *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1977. 336 p.

Freeze G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1983. 545 p.

Friesen A. *Colonizing Russia's Promised Land: Orthodoxy and Community on the Siberian Steppe*. Toronto : Univ. of Toronto Press, 2020. 224 p.

Hedda J. *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia*. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2011. 297 p.

Kenworthy S. M. *The Heart of Russia: Trinity-Sergius, Monasticism, and Society after 1825*. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2010. 528 p.

Kenworthy S. M. Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik Revolution // *Revolutionary Russia*. 2018. Vol. 31, № 1. P. 1–23. DOI 10.1080/09546545.2018.1480893.

Michelson P. L. *Beyond the Monastery Walls: The Ascetic Revolution in Russian Orthodox Thought, 1814–1914*. Wisconsin : Univ. of Wisconsin Press, 2017. 307 p.

Scarborough D. *Russia's Social Gospel. The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution*. Madison : Univ. of Wisconsin Press, 2022. 264 p.

Shevzov V. *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2004. 358 p.

White J. M. *Unity in Faith? Edinoverie, Russian Orthodoxy, and Old Belief, 1800–1918*. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2020. 271 p.

References

Beglov, A. L. (2021). *Pravoslavnyi prikhod na zakate Rossiiskoi imperii: sostoyanie, diskussii, reformy* [The Orthodox Parish on the Eve of the Russian Empire: Status, Discussions, Reforms]. Moscow, Indrik. 1047 p.

Freeze, G. L. (1977). *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press. 336 p.

Freeze, G. L. (1983). *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, Princeton Univ. Press. 545 p.

Friesen, A. (2020). *Colonizing Russia's Promised Land: Orthodoxy and Community on the Siberian Steppe*. Toronto, Univ. of Toronto Press. 224 p.

Grabko, M. E. (2017). *Deyatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v rabochei srede Moskovskoi gubernii v kontse XIX – nachala XX v.* [The Activities of the Russian Orthodox Church among the Workers of Moscow Province at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 213 p.

Hedda, J. (2011). *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 297 p.

Kenworthy, S. M. (2010). *The Heart of Russia: Trinity-Sergius, Monasticism, and Society after 1825*. N. Y., Oxford Univ. Press. 528 p.

Kenworthy, S. M. (2018). Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik Revolution. In *Revolutionary Russia*. Vol. 31. No. 1, pp. 1–23. DOI 10.1080/09546545.2018.1480893.

Mangileva, A. V. (2015). *Sotsiokul'turnyi oblik prikhodskogo dukhovenstva Permskoi gubernii v XIX – nachale XX v.* [The Sociocultural Image of the Parish Clergy of Perm Province in the 19th and Beginning of the 20th Centuries]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 477 p.

Michelson, P. L. (2017). *Beyond the Monastery Walls: The Ascetic Revolution in Russian Orthodox Thought, 1814–1914*. Wisconsin, Univ. of Wisconsin Press. 307 p.

Paert, I. V. (Ed.). (2018). *Pravoslavie v Pribaltike: religiya, politika, obrazovanie. 1840-e – 1930-e gg.* [Orthodoxy in the Baltics: Religion, Politics, Education. 1840s to the 1930s]. Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta. 527 p.

Palkin, A. S. (2016). *Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshcherossiskii*

kontekst i regional'naya spetsifika [Edinoverie from the Mid-18th to the Beginning of the 20th Centuries: National Context and Regional Specifics]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 334 p.

Scarborough, D. (2022). *Russia's Social Gospel. The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution*. Madison, Univ. of Wisconsin Press, 264 p.

Shevzov, V. (2004). *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. Oxford, Oxford Univ. Press. 358 p.

White, J. M. (2020). *Unity in Faith? Edinoverie, Russian Orthodoxy, and Old Belief, 1800–1918*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 271 p.

The article was submitted on 28.07.2023